

Ирина Ружицкая

(Instytut Historii Rosyjskiej Rosyjskiej Akademii Nauk)

## Место государственной канцелярии в структуре власти Российской империи XIX века

*The Position of the State Chancellery in the Administrative Structures  
of the 19<sup>th</sup>-Century Russian Empire*

### РЕЗЮМЕ

Государственная канцелярия – канцелярия высшего законосовещательного органа Российской империи, Государственного совета. В разные периоды своего существования она играла неодинаковую роль в политической жизни страны. Эпохой всевластия государственной канцелярии стали 1810–1812 гг., когда ее возглавлял М.М. Сперанский. Его власть была безграничной, он непосредственно контактировал с императором. Впоследствии такого положения государственная канцелярия и ее руководитель никогда не достигали. Тем не менее были времена, когда она играла заметную роль в законодательной политике империи. Эта роль была тем более значимой, чем выше было реноме ее руководителя. С Государственной канцелярии в империи начался переход на рациональные формы управления.

**Ключевые слова:** Российская империя XIX в., государственное управление, Государственный совет, государственная канцелярия, государственный секретарь, бюрократия, рационализация канцелярского производства

Речь пойдет о государственной канцелярии – канцелярии высшего законосовещательного органа Российской империи, Государственного совета и ее роли в политической жизни. В историографии бытует мнение, что она была образована 1 января 1810 г. согласно новому уставному документу – «Образованию Государственного совета». Однако канцелярия при Совете существовала с момента его создания 30 марта 1801 г.<sup>1</sup>, имела свое штатное расписание и порядок ра-

<sup>1</sup> Тогда она была разделена на 4 части: 1) иностранную и коммерческую; 2) военных дел, сухопутных и морских; 3) гражданских и духовных дел; 4) государственного

боты, в ней состояло 36 человек (штаты были высочайше утверждены 9 апреля 1801 г.). Большинство из них стали сотрудниками вновь учрежденной канцелярии, так что можно говорить о реорганизации старой, а не о создании новой структуры.

Первым государственным секретарем, т.е. руководителем канцелярии Государственного совета, стал М.М. Сперанский, инициатор образования Совета и автор его уставных документов. При нем должность государственного секретаря и роль государственной канцелярии были подняты на небывалую высоту, причем его полномочия не были ограничены рамками закона, они были гораздо шире. Один из современников писал, что председатель Совета был «лишен всякой власти, а государственный секретарь являлся всемогущим и всеведующим», по сути «главным министром»<sup>2</sup>. Другой отмечал: «канцелярия и образ производства дел в Совете были так устроены, что Сперанский, как секретарь, все видел, читал, подносил государю в кабинете, провозглашал в присутствии Совета и, наконец, выпускал в мир крещеный»<sup>3</sup>. Министры Александра I Д.П. Троицкий (юстиции) и Д.А. Гурьев (финансов) свидетельствовали о всевластии государственного секретаря Сперанского и, сравнивая его положение с положением генерал-прокурора, который осуществлял связь между императором и Сенатом, полагали, что Сперанский, будучи посредником между императором и Советом, имел гораздо больше преимуществ, нежели генерал-прокурор<sup>4</sup>.

Сперанский осознавал свое всеисие. Работавший в государственной канцелярии под его руководством (в 1820-е гг.) Н.И. Тургенев вспоминал, что по отношению к членам Совета и их мнениям «Сперанский [...] держался с полной самостоятельностью, излагая журналы, как ему было удобно» и приводил слова Сперанского: «все эти рассуждения Совета – пустая формальность... Мы с Вами сделаем так, как найдем лучше»<sup>5</sup>.

Дважды в неделю Сперанский лично докладывал императору Александру I о ходе дел в Совете, а потом объявлял высочайшие по-

---

хозяйства. Департамент законов не имел своей канцелярии, т.к. его дела готовились в Комиссии составления законов. *Государственная канцелярия, 1810–1910*, Санкт-Петербург 1910, с. 3–4).

<sup>2</sup> Г.А. Розенкампф, [Отрывки из автобиографии]. С дополнениями П.М. Майкова, „Русская старина“ 1904, 10, с. 402, 417.

<sup>3</sup> И.М. Долгоруков, *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...*, т. 2, Санкт-Петербург 2004, с. 140.

<sup>4</sup> Д.А. Гурьев, *Об устройстве верховных правительств в России, 1 декабря 1815 г.*, *Сборник Русского исторического общества*, т. 90, Санкт-Петербург 1894, с. 63.

<sup>5</sup> *Государственная канцелярия*, с. 27.

веления его председателю! «По сути» он «руководил деятельностью Государственного совета»: через него дела поступали в Совет, он готовил их к слушанию, а его члены узнавали о сути рассматриваемых вопросов лишь в самый день заседания<sup>6</sup>.

При Сперанском государственная канцелярия постепенно начинает приобретать новый облик, отличавший ее от других столичных канцелярий: в ней зарождается и развивается, по выражению А.В. Ремнева, «новая бюрократическая реальность». Это было обусловлено возмужавшей бюрократизацией или профессионализацией государственного управления (в данном контексте слово «бюрократизация» не несет негативного оттенка). Наряду с централизацией управления его профессионализация явилась неизбежным следствием и логическим завершением реформ Александра I начала XIX в., когда система государственного управления была модернизирована по европейским образцам<sup>7</sup>. С этим связан переход от одного типа или стиля управления к другому, начавшийся в ходе реализации реформ. Исходя из учения Макса Вебера о трех типах власти (*традиционного, харизматического и рационального*), логично сделать заключение, что в России первой половины XIX в. *традиционный* тип власти постепенно трансформируется в *рациональный* и одним из проявлений этого процесса, по Веберу, явилась бюрократизация или профессионализация управления. На смену власти, освященной традицией и религиозными нормами, приходит власть, опирающаяся на систему общих правил и норм, установленных с известной «разумной» целью. Носителем этой «разумности», т.е. рациональных начал, является профессиональная бюрократия<sup>8</sup>, т.е. люди, с юности нацеленные

<sup>6</sup> Л.Ф. Писарькова, *Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение*, Москва 2012, s. 178. Исследовательница идет дальше: «действительно, помимо дел, входивших в общее собрание, в руках Сперанского сосредоточились все нити государственных преобразований и законодательной деятельности» и, таким образом, руководимая им Комиссия составления законов и государственная канцелярия составляли своего рода «министерство преобразований». *Ibidem*, s. 179.

<sup>7</sup> Тема трансферов идей институционального строительства крайне важна, так как помогает объяснить, почему та или иная реформаторская инициатива не реализовалась, не прижилась на российской имперской почве первой половины XIX в. или наоборот. К сожалению, тему трансфера идеи Государственного совета осветил только В.Г. Щеглов, остальные авторы ограничивались простой констатацией факта: это была «калька» с Государственного совета Франции времен Наполеона Бонапарта (т.е. когда Совет существовал в условиях абсолютной монархии).

<sup>8</sup> Представители этой бюрократии как «профессионалы обладают знаниями, приобретенными через формальное обучение, твердо придерживаются стандартов поведения, закрепленных процессом социализации с опорой на службу».

на занятие государственной деятельностью и специально для этого обученные. Освоение новых подходов в управлении началось в государственной канцелярии при Сперанском и продолжалось на протяжении более полувека, получая распространение сначала в столичных, а потом и в губернских канцеляриях.

Это «освоение» приводило к тому, что, как справедливо отмечал Л.Е. Шепелев, делопроизводство становилось не только техническим элементом, но и действенным средством управленческого процесса<sup>9</sup>. Это была своего рода латентная «власть канцеляристов», определяемая не столько законом или иными нормативными документами, сколько бюрократической практикой<sup>10</sup>. Чиновники канцелярий стали осмысленно подходить к составлению журналов или заключений по заседаниям, часто обладали «возможностью ускорить или затормозить решение вопроса», повернуть дело в нужную им сторону, оказать влияние на свое руководство по тому или иному вопросу<sup>11</sup>.

Поэтому внедрение рациональных форм управления потребовало нового типа чиновника, появление которого в первой половине XIX в. связано с государственной канцелярией. С точки зрения авторов официального издания по ее истории, чиновники канцелярии «по своим служебным качествам и образовательному цензу [...] являлись, несомненно, выдающимися в тогдашней чиновной среде»<sup>12</sup>. Такой состав при энергичном, образованном и дельном государственном секретаре имел высокий коэффициент полезного действия и оказывал все большее влияние на законодательную политику империи. В Совете никогда «отдельные статьи закона не принимались в определенной точной редакции: принимались, собственно, правила закона, но самое их изложение всецело и неизменно предоставлялось канцелярии», поэтому пределы ее власти и значение во многом зависели от ее сотрудников, и прежде всего от ее руководителя. Государственный

---

Х.Д. Балзер, *Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы*, в: *Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской*, ред. Х.Д. Балзер, Санкт Петербург 2003, s. 202.

<sup>9</sup> Л.Е. Шепелев, *Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX в.*, „Вспомогательные исторические дисциплины” 1984, 16, s. 25.

<sup>10</sup> П. Мустонен, *Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления*, Helsinki 1998, s. 164–165; А.В. Ремнев, *Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)*, Москва 2010, s. 68.

<sup>11</sup> Рог. А.В. Ремнев, *op. cit.*, s. 68–69.

<sup>12</sup> *Государственная канцелярия*, s. 15.

секретарь обычно действовал «весьма свободно», нередко «подвергая проект коренной переработке, будто бы только редакционной, но на деле часто затрагивавшей суть правил». И как тут снова не вспомнить первого государственного секретаря, наставлявшего своего молодого подчиненного: «все эти рассуждения Совета – пустая формальность... Мы с вами все сделаем так, как найдем лучше»<sup>13</sup>.

Возможно, с этим связана точка зрения ряда исследователей, которые видели в государственной канцелярии относительно самостоятельное учреждение. Так, Н.М. Коркунов утверждал, что в Европе «при всех законодательных учреждениях имеется канцелярия или бюро, [...] но нигде бюро не получило такого развития и такого значения, как у нас государственная канцелярия. Личный состав парламентских бюро очень немногочислен и занимает совершенно подчиненное положение, лишённое всякой самостоятельности. У нас же канцелярия пользуется весьма значительным влиянием на ход законодательных работ»<sup>14</sup>. Н.П. Ерошкин полагал, что «государственная канцелярия была не простым делопроизводственным придатком» Совета, именно «учитывая значение государственной канцелярии, Сперанский добился [...] своего назначения на пост ее главы – государственного секретаря». Уже в нынешнем столетии исследователь отмечал, что «по замыслу, Государственная канцелярия должна была заниматься только вопросами делопроизводства Государственного совета, на практике же она играла довольно значительную роль во всех сферах государственного управления»<sup>15</sup>. Последнее утверждение спорно и может быть отнесено только к некоторым эпохам жизни канцелярии. Такой эпохой, безусловно, был начальный период ее существования при Сперанском.

Однако всемогущество Сперанского как государственного секретаря закончилось 17 марта 1812 г., когда он был отставлен от служ-

<sup>13</sup> *Ibidem*, s. 27.

<sup>14</sup> Н.М. Коркунов, *Русское государственное право*, т. 2, Санкт Петербург 1913. Коркунов продолжил: «Она ведает не только внешний распорядок, но и подготавливает все дела к докладу их в департаментах, так что основанием суждений департаментов служит изготовленное в канцелярии изложение дела. Затем канцелярией же составляются и журналы заседания, и мемории, при которых дела представляются Государю».

<sup>15</sup> А.В. Морозов, *Государственный совет в структуре государственной власти в первой половине XIX в.*, Санкт Петербург 2001, *maszynopis pracy kandydackiej*. Ср.: «Государственная канцелярия была не простым его делопроизводственным придатком: именно она подвергала любой проект закона еще до его обсуждения в общем собрании шлифовке, оставляя, по выражению Сперанского, вместе с тем и пространство для действия... Учитывая значение Государственной канцелярии, Сперанский добился... своего назначения на пост ее главы». Н.П. Ерошкин, *Российское самодержавие*, Москва 2006, s. 124–125.

бы и сослан. Впрочем, положение, данное канцелярии Сперанским, и общий характер ее работ продолжали оставаться в силе и после того, как он оставил свой пост. Но осталась ли сама должность государственного секретаря настолько значимой в механизме государственного управления, как при Сперанском? На такую высоту государственные секретари уже не поднимались никогда, но были периоды, когда руководитель государственной канцелярии оказывал значительное влияние на ход дел, проходивших через Совет.

После Сперанского государственным секретарем стал небезызвестный историком литературы адмирал А.С. Шишков<sup>16</sup>, которого в период исполнения этой должности (1812–1814) в России не было: в кампании 1812–1814 гг. он почти неотлучно находился за границей при императоре Александре I. Канцелярией Совета с апреля 1812 г. фактически руководил А.Н. Оленин<sup>17</sup>, директор Императорской публичной библиотеки (1811) и будущий президент Академии художеств (1817), официально назначенный государственным секретарем лишь в августе 1814 г. Сфера его интересов была далека от канцелярской работы – он был ученым-историком, знатоком классических и русских древностей, писателем, художником. Поэтому он осуществлял свое руководство государственной канцелярией через статс-секретарей, и, за недостатком времени, не особенно вникал в суть рассматриваемых вопросов<sup>18</sup>.

В начале 1817 г. Оленин был освобожден от личных докладов императору<sup>19</sup>, и, таким образом, государственный секретарь утратил «прежнее свое значение самостоятельного докладчика по делам Государственного совета»<sup>20</sup>, что было связано с укреплением личной власти А.А. Аракчеева. Личные доклады государственного секретаря были восстановлены уже при новом императоре Николае I в 1826 г.

Оленин принадлежал к высшему петербургскому обществу, был

---

<sup>16</sup> А.С. Шишков занимался литературной и переводческой деятельностью, по его инициативе были организованы «Беседы любителей русского слова» (1810), сторонники их выступали за сохранение архаизмов в русском языке, им противостояло литературное общество «Арзамас». В 1824–1828 гг. – министр народного просвещения.

<sup>17</sup> Официально Оленин «исполнял» должность с 3 по 6 апреля 1812 г., как старший из статс-секретарей.

<sup>18</sup> О формальном подходе Оленина к своим обязанностям свидетельствует и составленная при нем в крайней спешке история Государственного совета с 1768 по 1827 гг., представлявшая собой, по словам современника, «простую компиляцию» (М.А. Корф).

<sup>19</sup> Он подносил журналы императору самолично, но в обсуждении их не участвовал; в случае вопросов Александр I сносился с ним через Аракчеева. С 1820 г. Оленин просто посылал документы императору через собственную императорскую канцелярию.

<sup>20</sup> *Государственная канцелярия*, s. 54.

на равных с членами Совета и мог оказывать влияние на обсуждение дел в нем, но этого не делал – ему это не было интересно. Современник даже говорил об «апатии», присущей Оленину (как и председателю Совета П.В. Лопухину), результатом которой стало «чрезвычайно медленное движение дел» в Совете<sup>21</sup>.

Пришедший на смену Оленину В.Р. Марченко<sup>22</sup> был человеком совсем иного рода: из провинциального дворянства, поднявшийся из канцеляристов, протеже А.А. Аракчеева, типичный чиновник, прослуживший всю жизнь «в секретарстве с разными титулами»<sup>23</sup>, человек не светский и не придворный. Он отличался трудолюбием, но ему не хватало образования<sup>24</sup> и кругозора. По свидетельству современника, он был «просто обыкновенный канцелярский чиновник, без высшего образования и без особенных дарований, человек, которому [...] сыщется много равных»<sup>25</sup>. Это был истинный «подьячий»<sup>26</sup>, и отношение к нему со стороны председателя и членов Государственного совета было чисто формальным, как к «обыкновенному канцелярскому сотруднику».

Следующий государственный секретарь М.А. Корф разительно отличался от своего предшественника. Это был «блестяще и разносторонне образованный» человек, выпускник Царскосельского лицея, работавший под началом таких светил русской администрации как Е.Ф. Канкрин и М.М. Сперанский, последний даже называл его своим лучшим работником (по Второму отделению СЕИВК). В отличие от Марченко, для членов Совета Корф был человеком своего круга.

Кроме того, Корф был наделен незаурядными деловыми качествами, громадной работоспособностью и безупречной исполнительностью<sup>27</sup>. Он был молод и амбициозен, поэтому постоянно выступал с различными предложениями по повышению эффектив-

<sup>21</sup> Государственный Архив Российской Федерации, ф. 728, оп. 1, д. 1817, cz. 4, к. 55.

<sup>22</sup> По воспоминаниям В.Р. Марченко этот пост ему предложил лично В.П. Кочубей; 29 апреля 1827 г. состоялись два указа о назначении одного государственным секретарем, другого председателем Государственного совета. *Государственная канцелярия*, s. 94.

<sup>23</sup> В.И. Федорченко, *Императорский дом. Выдающиеся сановники. Серия: Российская империя в лицах*, т. 2, Красноярск–Москва 2000, s. 34.

<sup>24</sup> В формуляре Марченко записано с пометкой «с его слов», что он закончил Могилевское главное народное училище, а с 1793 г. был губернским регистратором (чин XIII–XIV класса) в могилевском земском суде.

<sup>25</sup> М.А. Корф, *Дневники 1838 и 1839 гг.*, Москва 2010, s. 315.

<sup>26</sup> *Zob. ibidem*, s. 364, 430. Корф одну из причин медленного хода дел в Совете видел в «подьяческих формах, сопряженных с равнодушием» Марченко. Государственный Архив Российской Федерации, ф. 728, оп. 1, д. 1817, cz. 4, к. 55v.

<sup>27</sup> *Государственная канцелярия*, s. 125.

ности работы государственной канцелярии и Государственного совета в целом.

Начал он с полного обновления состава канцелярии: оставив «несколько весьма способных и отличных чиновников, которые [...] поняли его образ мыслей и заслужили всю его доверенность», остальных он заместил «более даровитыми и более способными»<sup>28</sup> выпускниками университетов и Лицея. Это была очередная волна прихода в государственную канцелярию чиновников-профессионалов.

За год Корфу удалось завершить все незаконченные дела Совета<sup>29</sup>, он перестроил процесс прохождения дел через канцелярию, значительно сократив делопроизводство и установив над ним «*строгий и отчетливый контроль*»<sup>30</sup>, добился обязательного издания для каждого члена Совета печатного экземпляра с изложением наиболее важных и сложных дел перед их рассмотрением в общем собрании. Наконец, Корф выступил инициатором создания новых уставных документов Совета, отразивших происшедшие с 1810 г. в его структуре и порядке работы изменения, и сам составил новое «Учреждение Государственного совета» 1842 г.

Но преобразованиями в сфере делопроизводства он не ограничивался и использовал любую возможность, чтобы повлиять на ход дел в Совете. Так было при утверждении новых штатов министерств и главных управлений (в том числе государственной канцелярии) в декабре 1838 г. Вот что он сам писал об этом: «Когда рассматривались в Совете новые штаты [министерств] повышенные оклады для министерства государственных имуществ, то при сильном личном влиянии Киселева не поднялось против них ни одного голоса, и замолчи я, то все дело кончилось бы простым их утверждением; но я шепнул трем, четырем министрам и заговорил в Совете их устами о неудобстве такого несоразмерного увеличения штатов одного ведомства против *всех прочих* и о необходимости *общего* их уравнивания; потом с кратких их слов написал очень сильный и убедительный жур-

<sup>28</sup> М.А. Корф, *Краткий очерк моей жизни. 20–29 августа 1839 г.*, Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки, f. 380, d. 1, k. 36v.

<sup>29</sup> Корф занимал должность государственного секретаря в 1834–1843 гг.

<sup>30</sup> Сам Корф писал о своих преобразованиях: «Облагороден и дух канцелярии: с нее страшно все *подьяческое* и приобретено несколько отличных талантов, а в образе *делопроизводства* установлен такой *строгий и отчетливый контроль*, что им устраняется и всякая тень к сомнениям или подозрениям». И в другом месте: «Я ввел небывалый прежде порядок и быстроту в производстве дел двух канцелярий: Комитета министров и государственной, совершенно преобразившие и их образ действия». Государственный Архив Российской Федерации, f. 728, op. 1, d. 1817, cz. 11, k. 203. [Курсив мой – И.Р.].

нал, который увенчался одобрением и соизволением Государя, и дело пошло на лад»<sup>31</sup>.

В приведенном отрывке из дневника Корфа поражает выражение «я шепнул трем, четырем министрам и заговорил в Совете их устами» (!), это – модель поведения, которую государственный секретарь не раз опробовал на практике.

Были и другие способы повлиять на то или иное решение Совета, в частности, прямое давление на председателя Совета. При Васильчикове Корф играл роль своеобразного «серого кардинала», поскольку тот не обладал государственным умом и ему сложно было разобраться в перипетиях дел, что и использовал государственный секретарь. Пять лет (1838–1843) Корф оказывал огромное влияние на Васильчикова, который не принимал решения без совета со своим государственным секретарем и по этой причине даже препятствовал переходу того в члены Совета.

В 1838 г. министр народного просвещения С.С. Уваров представил в Государственный совет новый штат учителей для т.н. литовских губерний (Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области), из которого были исключены учителя польского языка<sup>32</sup>. Департамент экономии утвердил штат с «финансовой» точки зрения. Корф представил Васильчикову «бесчеловечность» подобной «гнусной меры», которая обязательно приведет к тому, что юноши в этом крае будут получать домашнее образование, а это приведет к воспитанию их в оппозиционном России, т.н. «польском» духе и может стать «зародышем революции». Васильчиков вызвал председателя департамента В.В. Левашова и предложил ему изменить заключение департамента; вместе с Левашовым был приглашен и министр Уваров. Несмотря на его сопротивление, на новом заседании департамента было принято решение оставить учителей польского языка в штате для «литовских» губерний. Общее собрание Совета единогласно, без прений приняло вновь составленное заключение департа-

<sup>31</sup> М.А. Корф, *Дневники 1838 и 1839 гг.*, с. 214. Корф добавлял: «Тут еще кстати подошла наддача по питейным откупам 27 млн. руб., и добрый наш Государь рад был найти в этом увеличении доходов средства к давно желаемому улучшению содержания служащих». По новому положению о штатах от 23 декабря 1838 г. оклады были значительно увеличены «даже так, что обеспечивают существование без других пособий» (особенно в «высших степенях»: напр., директорам департаментов министерств – в 2 раза, с 6 до 12 тыс. руб., а статс-секретарям гос. канцелярии – в 1,5 раза, с 6 до 15 тыс. руб.). [Курсив мой – И.Р.]

<sup>32</sup> В 1835 г. должности учителей польского языка были ликвидированы в Киевском учебном округе, в 1836 г. – в т.н. «белорусских» губерниях.

мента<sup>33</sup>. Упразднение штата учителей польского края в «литовских» губерниях было отсрочено на несколько лет.

Таким образом, хотя государственный секретарь и не принимал участия в прениях, но всегда мог найти возможность повлиять на ход обсуждения дел в Совете. Имелся целый ряд практических приемов, установившихся еще в первой половине XIX в. Они делали, по выражению Корфа, власть руководителей высших канцелярий почти беспредельной: «Назначение дел к слушанию в той или иной очереди, доклад их при таких-то или других членах, в том или ином порядке, образ изложения или словесного объяснения дел, наведение или пропуск справок из прежних производств, бóльшие или меньшие убеждения при докладе, направление самих суждений вставочными обстоятельствами или указаниями на такие подробности, которые недоступны членам, изложение журнальных статей и самих резолюций более или менее сильно, в том или ином духе – все это вместе со множеством мелких сокровенных пружин в руках управлявшего [канцелярией] и притом почти безотчетно»<sup>34</sup>.

Конечно, не стоит преувеличивать влияние Корфа на решения Совета или сравнивать его со Сперанским. Но тем не менее случаи, когда государственному секретарю удавалось изменить решения Совета или департамента, достаточно часты.

Преемник Корфа Н.И. Бахтин (1843–1853) был образованным, дельным человеком, однако ему не хватало энергии и настойчивости предшественника, кроме того он часто бывал в отлучках по болезни, поэтому при нем «правили бал» статс-секретари, ни с какими инициативами не выступавшие. Но ему повезло: предшественник основательно потрудился над созданием нового имиджа государственной канцелярии и повышением эффективности ее функционирования. Современники отмечали, что ее деятельность продолжалась в русле созданных Корфом подходов еще достаточно продолжительное время после его ухода, в том числе благодаря и стараниям чиновников канцелярии, «выпестованных» им.

<sup>33</sup> М.А. Корф, *Дневники 1838 и 1839 гг.*, s. 171–176, 183–185, 191–192, 202. Великий князь Михаил Павлович «по делу о польских учителях был вполне согласен с Советом», полагая, что «принятое заключение делает честь благоразумию и добросовестности членов». *Ibidem*, s. 194.

<sup>34</sup> М.А. Корф, *Записка о Комитете министров в 1831–1834 гг.*, „Советские архивы“ 1976, 5, s. 62. В данном случае речь шла об управляющем делами Комитета министров, но суть не меняется, коль скоро речь идет о главе государственной канцелярии. *Zob. ibidem*; А.В. Ремнев, *op. cit.*, s. 89.

После Бахтина государственную канцелярию возглавил В.П. Бутков (1853–1865), который, несомненно, тоже был чиновником нового поколения – образованным, интеллектуально развитым, стремящимся привнести в свое управление элементы рационализма, оптимизировать процесс повседневного существования государственной канцелярии и всего Совета для повышения эффективности работы этих структур. При Буткове в 1861–1864 гг. государственная канцелярия стала «штабом» наиболее радикальной из реформ 1860-х гг., судебной<sup>35</sup>, и это произошло во многом благодаря ее руководителю.

Вообще через должность государственного секретаря прошел целый ряд выдающихся политических деятелей (например, В.К. Плеве, Д.М. Сольский и др.). Большинство из них – прекрасно образованные, эрудированные люди, часть из них неразрывно связаны с отечественной культурой (так, А.А. Половцов<sup>36</sup> был одним из основателей, а позже председателем Русского исторического общества; Корф и Оленин много лет состояли директорами Императорской Публичной библиотеки; Бутков возглавлял Лазаревский институт восточных языков и т.д.)<sup>37</sup>. Можно говорить о собирательном образе начальника государственной канцелярии XIX в. Выбивается из общего ряда только протеже Аракчеева Марченко, плохо вписывающийся в коллективный портрет государственного секретаря<sup>38</sup>. Государственные секретари выступали носителями «новой бюрократической реальности» и были своеобразными «локомотивами», продвигавшими ее в жизнь столичных канцелярий<sup>39</sup>.

О влиянии государственного секретаря и подвластной ему структуры уже на закате Российской империи писал член Государственно-

<sup>35</sup> «Эпоха великих реформ Александра II вписала много славных страниц в историю государственной канцелярии, труды которой никогда еще, даже при Сперанском, не имели таких блестящих результатов» (*Государственная канцелярия*, s. 188).

<sup>36</sup> Сольский занимал пост государственного секретаря в 1865–1878 гг., Половцов и Плеве соответственно в 1883–1892 и 1894–1902 гг.

<sup>37</sup> Нельзя согласиться с А.В. Ремневым, видевшем в Корфе человека, сделавшего «свою карьеру во многом благодаря своим канцелярским способностям». – А.В. Ремнев, *op. cit.*, s. 76; *zob.* об интеллектуальном «багаже» Корфа: И.В. Ружицкая, *«Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е*, Москва 2009, s. 157–241.

<sup>38</sup> Причинами назначения Марченко следует считать рекомендации Кочубея, которого Николай I воспринимал как хранителя идей и опыта венценосного брата. *Zob.* *Государственная канцелярия*, s. 100.

<sup>39</sup> Государственная канцелярия наряду со Вторым отделением СЕИВК, министерством государственных имуществ, министерством внутренних дел благодаря своим начальникам обладала и рядом материальных преимуществ – большими окладами, частыми и обильными наградами, что привлекало в них молодых образованных дворян.

го совета, статс-секретарь Владимир Гурко: «Государственная канцелярия являлась деятельным фактором в русском законодательстве», и тем более сильным, чем энергичнее и умнее был ее руководитель – государственный секретарь<sup>40</sup>.

#### BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

##### Źródła

- Государственный Архив Российской Федерации, ф. 728, оп. 1, д. 1817, cz. 4, 11.  
 Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки, ф. 380, д. 1.  
 Гурко В.И., *Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*, Москва 2000.  
 Гурьев Д.А., *Об устройстве верховных правительств в России. 1 декабря 1815 г.*, Сборник Русского исторического общества, т. 90, Санкт Петербург 1894.  
 Долгоруков И.М., *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...*, т. 2, Санкт Петербург 2004.  
 Корф М.А., *Дневники 1838 и 1839 гг.*, Москва 2010.  
 Корф М.А., *Записка о Комитете министров в 1831–1834 гг.*, „Советские архивы” 1976, 5.

##### Opracowania

- Балзер Х.Д., *Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы, w: Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской*, ред. Х.Д. Балзер, Санкт Петербург 2003.  
*Государственная канцелярия, 1810–1910*, Санкт Петербург 1910.  
 Ерошкин Н.П., *Российское самодержавие*, Москва 2006.  
 Коркунов Н.М., *Русское государственное право*, т. 2, Санкт Петербург 1909.  
 Морозов А.В., *Государственный совет в структуре государственной власти в первой половине XIX в.*, Санкт Петербург 2001, maszynopis pracy kandydackiej.  
 Мустонен П., *Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления*, Helsinki 1998.  
 Писарькова Л.Ф., *Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение*, Москва 2012.  
 Ремнев А.В., *Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)*, Москва 2010.  
 Розенкампф Г.А., [Отрывки из автобиографии]. С дополнениями П.М. Майкова, „Русская старина” 1904, 10.  
 Ружицкая И.В., «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е, Москва 2009.  
 Федорченко В.И., *Императорский дом. Выдающиеся сановники*, Серия: Российская империя в лицах, т. 2, Красноярск, Москва 2000.  
 Шепелев Л.Е., *Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX в.*, „Вспомогательные исторические дисциплины” 1984, 16.

<sup>40</sup> В.И. Гурко, *Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*, Москва 2000, s. 230.

## ABSTRACT

State chancellery was the chancellery of the State Council, the supreme advisory body in the Russian Empire. Its role in the political life of Russia differed in the various periods of its existence. Its power was at its highest between 1810 and 1812, when it was headed by M.M. Speransky. His power was virtually unlimited, and he remained in direct contact with the Tsar. In later periods, neither the chancellery nor its leader achieved similar levels of importance. Nonetheless, there were times when it played an important role in the Empire's lawmaking process. Its importance correlated with the eminence of its leader. The chancellery was the institution which initiated the transition to rational forms of administering the Empire.

**Key words:** 19<sup>th</sup>-century Russian Empire, administration, State Council, state chancellery, state secretary, bureaucracy, rationalisation of the operation of chancellery

*Miejsce kancelarii państwa w strukturach władzy  
Imperium Rosyjskiego XIX wieku*

## STRESZCZENIE

Kancelaria państwa – kancelaria wyższego organu doradczego w Imperium Rosyjskim, czyli Rady Państwa. W różnych okresach swojego funkcjonowania odgrywała ona niejednakową rolę w życiu politycznym kraju. Epoką wszechwładzy kancelarii państwowej były lata 1810–1812, kiedy na jej czele stanął M.M. Sperański. Jego władza była nieograniczona, pozostawał w bezpośrednim kontakcie z imperatorem. W późniejszym czasie ani kancelaria, ani jej naczelnik nigdy nie osiągnęli takiej pozycji. Niemniej jednak zdarzały się okresy, kiedy odgrywała ona istotną rolę w polityce prawodawczej Imperium. Jej znaczenie było tym ważniejsze, im większą renomą cieszył się jej naczelnik. Od kancelarii państwa rozpoczęło się przejście do racjonalnych form zarządzania w Imperium.

**Słowa kluczowe:** Imperium Rosyjskie XIX w., zarządzanie państwem, Rada Państwa, kancelaria państwowa, sekretarz państwowy, biurokracja, racjonalizacja pracy kancelaryjnej

## NOTA O AUTORZE

Ирина Ружицкая – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской Академии Наук. Автор около 50 научных работ, в том числе трех монографий: *Барон М.А. Корф – историк: по материалам его архива* (Москва 1996), *Законодательная деятельность в царствование императора Николая I* (Москва 2005, 2-е издание Москва 2015), *„Просвещенная бюрократия“. 1800–1860-е гг.* (Москва 2009). Публикатор такого научно-значимого исторического источника как «Дневник» государственного секретаря М.А. Корфа. E-mail: iraruz@gmail.com